

ЛЕОНИД ИВШИН

Рукописные русско-вотские словари Г. Е. Верещагина

Графические особенности

There are two handwritten Russian-Votyak (= Russian-Udmurt) dictionaries kept in the scientific archives of the Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural branch of the Russian Academy of Science. Probably they were compiled by the Udmurt scholar G. Vereshchagin at the end of the 19th and the beginning of the 20th century. In the manuscripts the scholar used the Russian script of that period and some Latin letters such as *i* and *q* (used only in the second volume of the dictionary's manuscript and basically in Russian and Latin words, in Udmurt they are used in single instances) and *j*.

KEYWORDS: G. Vereshchagin, Udmurt language, manuscript, dictionary, graphics

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Г. Е. Верещагин, удмуртский язык, рукопись, словарь, графика

Рукописный фонд Научно-отраслевого архива Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН владеет довольно большим и своеобразным творческим наследием первого удмуртского ученого, педагога и просветителя, этнографа, фольклориста, поэта и писателя Григория Егоровича Верещагина (1851-1930). Среди множества рукописей лингвистического характера имеются 2 варианта русско-вотских (=русско-удмуртских) словарей (ф. РФ, оп. 2-Н, дела №№ 405, 406). В работах исследователей (Кельмаков 2001: 118; 2004а: 24; 2004б: 6; Ившин 2004: 167) об этих рукописях имеются лишь упоминания.

Общая характеристика

Данные лексические памятники удмуртского языка представляют собой написанные чернилами четкой скорописью на листах с обеих сторон, имеющих размер 29×22 см (том 1) и 22×17,5 см (том 2), рукописи объемом 193 и 265 листов соответственно, сшитые из нескольких тетрадей. Каждая рукопись

представляет собой законченный вариант словаря. Записи произведены на желтовато-белой бумаге разного типа: газетной, в клетку, в линию, неиспользованных и частично использованных метрических книг и других специальных бланков, имевшихся у Г. Е. Верещагина. Некоторые листы исписаны полностью в несколько столбцов. Можно предположить, что причиной такого размещения материала явился недостаток бумаги автора. На обороте листа № 193 рукописи первого тома имеется несколько стихотворений Г. Е. Верещагина, что еще раз доказывает верность этого предположения. На рукописи, составленные в 20-х годах прошлого столетия мог повлиять и бумажный кризис, когда «специальными приказами по всем учреждениям запрещалось писать размашисто, оставлять поля и незаполненные изнанки. Предлагалось использовать в качестве бумаги все сколько-нибудь на нее схожее» (Бруштейн 1956: 358–359). По предварительным подсчетам в каждой рукописи содержится около 13 тысяч словарных статей, однако, надо заметить, что состав лексем в словарях неодинаков.

Наиболее ценным и интересным, на наш взгляд, в исследуемых рукописях великого творца является то, что в записях присутствуют многочисленные пометки и поправки (иногда карандашом), иной раз написанные быстрым, неразборчивым почерком, с недописанными словами. Это делает их в высшей степени богатыми, содержательными для текстологии. Пометки и поправки, сделанные карандашом или чернилами другого цвета, могут свидетельствовать о том, что автор неоднократно возвращался к своим словарям.

Необходимо отметить, что в первой рукописи, в отличие от второй, имеется предисловие, в котором Г. Е. Верещагин указывает на причины, побудившие его к составлению русско-вотского словаря: «Отсутствие в нашей литературе пособий к изучению вотского языка побудило меня составить „Русско-вотский словарь“, являющийся результатом многолетних трудов» (Верещагин Т. 1: 5 об.), и дает некоторые грамматические сведения об удмуртском языке: «В языке этом никаких разделений предметов на роды – мужской, женский и средний – нет; здесь только один общий род; для обозначения пола существуют особые слова» (там же).

Хотя в словарях нет сведений о времени их составления, датировку написания этих работ, исходя из особенностей орфографии, мы можем приблизительно угадать. Первая рукопись (том № 2), предположительно создана в конце XIX – начале XX века до принятия реформы русской орфографии 1918 года, поскольку в самом начале словаря, примерно до слов, начинающихся с буквы «Г», в конце лексем, оканчивающихся на твердый согласный, написан ъ. Во многих словах на протяжении всего словаря встречается буква ѣ. Вторую рукопись (том № 1) можно отнести к периоду после принятия реформы русской орфографии в 1918 году, когда из русского алфавита были исключены буквы *і*, *ѣ*, *ѐ* и *ѡ* (в конце слов после твердых согласных). В частности в русских словах этого тома рукописи отмеченных букв практически не наблюдается.

В обоих рукописях сначала приводится русское слово (во втором томе рукописи с ударением) затем дается его удмуртский эквивалент одним словом или чаще всего целым выражением. На удмуртских словах ударение не поставлено. Во втором томе рукописи некоторые слова, относящиеся к флоре, фауне, части человеческого организма и т. п. (до 74 листа), снабжаются латинским названием, например: *безкрòвие* Анаемия 'вирыз окмонтэм'¹ (Верецагин 2: 28; далее ссылки на рукописи приводятся с указанием лишь номера тома и листа словарей в круглых скобках), *бекàсь* Scolopax 'нюртака' (Т. 2: 37 об.), *василèкъ* Centaurea Суанус 'кинай чача, лызь сяська' (2: 73) и т. д.

Во втором томе рукописи до листа № 40 после русских слов через запятую приводятся окончания, принимаемые данным словом, а также отмечается часть речи. Например, после прилагательных, приведенных в словаре в единственном числе мужского рода, даются окончания женского и среднего родов, а также в большинстве случаев окончание, образующее краткую форму (прилагательного): *безгòрдостный*, -ая, -ое, -стенъ, -стна, -о пр. 'вылтъясь-контэм' (2: 24 об.). После существительных, приведенных также в форме единственного числа, дается окончание родительного падежа и родовая принадлежность: *аналàвъ*, -а с. м. 'нъыль сэрго кышет, мае монахъёс гадъ вылазы нулло' (2: 7). Глаголы приводятся в неопределенной форме. После них даются показатели 1 и 2 лица: *беззакòнновать*, -ную, -нуешь гл. 'Инмарлэн законэзлы пумить лэсьтыны, съòлыканы' (2: 27). В первом томе рукописи словаря грамматические пометы отсутствуют, лишь на начальной странице отмечена принадлежность слов к части речи, например: *авось* нар. 'оло', *авральный* пр. 'эли-мели дыр', *агнец* сущ. 'така ыжпи' (1: 10) и др.

Во многих случаях русское слово имеет два или более однозначных (синонимичных) перевода, относящихся к разным диалектным стихиям удмуртского языка, например: *грязь* 'нòд, дэри' (1: 86 об.), *иначе* 'мукет сяэн, музон сяэн' (1: 115 об.), *красиво* 'чебер, мотор' (1: 122 об.); *безсильный* 'айтэм, òдытэмъ, катытэмъ' (2: 34 об.), *теперь* 'табре, табере, али, каль, тавын' (2: 263 об.) и др. Следовательно, Г.Е. Верецагин считал возможным употребление форм самых различных удмуртских диалектов и в своей практической деятельности показал пути и способы обогащения удмуртского книжного (литературного) языка с использованием разнодиалектного материала.

Во втором томе рукописи на листах №№ 46 об. и 47 независимо от алфавита приведены слова, обозначающие названия растений, птиц, минералов, болезней, рыб, насекомых, частей человеческого организма – всего 117 единиц. Из них только 2 имеют перевод на удмуртский язык: *жила крововозвр[атная]*

¹Здесь и далее языковой материал Г.Е. Верецагина – независимо от того, как был представлен им самим – подается следующим образом: русское слово – обычным курсивом, переводы на удмуртский язык даются **жирным** курсивом и заключаются в марровские кавычки, орфография оригинала полностью сохранена.

Venae 'vircsэр' и жила сухая Tendines 'сөн' (2: 47), к остальным русским словам приводятся только их латинские эквиваленты.

Графика словарей

При написании рукописей Г.Е. Верещагин использовал русскую графику того времени с добавлением латинских *i*, *q* (встречаются исключительно во втором томе рукописи словаря в основном в русских и латинских словах, в удмуртских же – в единичных случаях) и *j*.

Представим для наглядности алфавит, которым руководствовался автор при написании рукописей. Он составлен нами на основе удмуртского лексического материала словарей и состоит из 40 букв и их сочетаний:

А а Б б В в Г г Д д Дж дж Дз дз Е е Ё ё Ж ж З з I и И и
J j й К к Л л М м Н н О о Ў ў П п Р р q С с Т т У у Х х
Ц ц Ч ч Ш ш щ ь Ы ы ь Э э Ъ ъ Ю ю Я я '

Таким образом, для записи удмуртских слов Г.Е. Верещагиным использованы:

1. общеизвестные буквы русского алфавита: А а, Б б, В в, Г г, Д д, Е е, Ё ё, Ж ж, З з, И и, й, К к, Л л, М м, Н н, О о, П п, Р р, С с, Т т, У у, Ц ц, Ч ч, Ш ш, щ, ь, Ы ы, ь, Э э, Ю ю, Я я;

2. знаки, представляющие собой буквы кириллицы или латиницы: *i*, *J j*, *q*;

3. сочетания букв и буквы, обозначающие специфические звуки удмуртского языка: Дж дж, Дз дз, Ў ў;

4. надстрочный знак – поднятая вверх запятая (').

Стоит заметить, что буквы *i*, *й*, *q*, *щ*, *ь*, *ь* в удмуртских словах представлены лишь в прописном варианте, а знаки *х* и *щ* встречаются в единичных лексемах, заимствованных из русского языка, например: Богородица 'Инмар-Христос Мумы' (1: 43 об.), л'ѣс молодой 'роща, тэль' (2: 161 об).

Рассмотрим подробнее графические особенности письменных памятников.

1. Буквой *и* или сочетанием *ѣи* (иногда *ѣи*) в удмуртских словах для показания велярности предшествующего согласного автор в абсолютном большинстве случаев обозначил звук *и*: акробат сущ. 'золтэм гозы-вылт'и ветльсь' (1: 10 об.), болотистый 'ньюро инт'и' (1: 44 об.), макароны 'н'изили, нугыли' (1: 13); безвещественно 'съяльтэк виртэк' (2: 22 об.), безвѣздный -ая, -ое пр. 'кизили пилемен пытсаськемо' (2: 27 об.), вѣстудить 'съятыны' (2: 125 об.). В рукописи второго тома в единичных удмуртских словах встречается латинская *i*: б'ѣлорукій 'төдјы кію' (2: 70: об.), гробожитель 'шөй сісыс нумыр' (2: 131 об.), вьсөдкій ростом, но тонкій 'чїэт' (2: 124 об.). Эта буква в данном случае использована для обозначения инлаутного звукосочетания -ий-.

2. Другая латинская буква *j* применяется в двух случаях:

а) для обозначения начальной (и интервокального) *й*: *малоголовый* 'пичи *й*ро' (1: 13); *мешать локтем пишущему* 'ки*й*л карыны, сураны' (1: 15); *ягниться* глаг. 'ыжпи ва*й*ны' (1: 19 об.); *глодать* 'й*р*ыны' (2: 128 об.), *дурак* 'шудзи, *й*лкей, визьтэм' (2: 136 об.), *безусый* – о *человѣкѣ*: 'му*й*ктэмъ, ныруль-туштэмъ' (2: 37);

б) для обозначения палатальности предшествующего согласного перед гласной (*ö* или *ы* – в томе № 2 рукописи): *выпáрывать* 'дзез*й*ны' (2: 122 об.), *выстегать* 'н*й*ораны' (2: 125), *гладенький* 'вол*й*т' (2: 128 об.). В первом томе рукописи словаря предшествующий палатальный согласный перед *ы* обозначен в основном последующей *j* (в единичных случаях последующим мягким знаком), а перед гласной *ö* – только мягким знаком: *эдак* 'созь, соз*й*ы, таз*й*ы' (1: 21), *желудь* 'тыпы му*й*ы' (1: 22), *батог* 'ыл*й*ыс боды' (1: 35); *взади* 'сь*ö*рын, берпалан' (1: 55), *высеч* 'н*й*ораны' (1: 87). Двойное обозначение мягкости предшествующего гласной согласного наблюдается и вотско-русских словарях ученого [Ившин 2006: 8].

3. Латинская *q* встречается в одном единственном случае только в рукописи № 2 и обозначает сложный удмуртский звук *күй*-: *áрфа*, -ы, с. ж. 'чинь сэрго крeзь' (2: 12). В других примерах в обоих рукописях звуки *күй*- и *күа*- обозначены буквосочетаниями *куи* и *куа* соответственно: *бацать* 'маин-ке шуккыса куара поттыны' (1: 35), *безведрие* 'куазь жобан' (1: 36), *триста* 'куинь сю' (1: 154 об.); *беззвучный* -ая, -ое, -чен, -чна, -о пр. 'куара *ö*воло, куаратэм' (2: 27 об.), *вьюга* 'куазь жобан' (2: 127), *триднёвно* 'куинёй' (2: 266) и др.

В опубликованной книге «О книгахъ на вотскомъ языкѣ», вышедшей в Казани в 1895 году Г.Е. Верещагин пишет следующее: «Не введен составителями и переводчиками вотских книг в свой алфавит еще необходимый латинский знак *q* [...] < > [...] [он] произносится как нечто среднее между *ку* и *кв*» [Верещагин 2002: 15]. Можно предположить, что автор начал составлять второй том рукописи русско-вотского словаря еще до выхода этой книги, поскольку в ней (книге) слова с *куа*- написаны через начальную *q*: *qала* (шалаш), *qажы* (коростель), *qара* (голос) [Там же: 16]. Опираясь на данное высказывание ученого и материалы рукописи № 2, временем составления ее можно считать, возможно, 1890-е годы (скорее всего их первую половину).

4. В разделительной функции и для обозначения велярности предшествующего согласного, в том числе в середине и конце слова, употребляются твердый знак (*ѣ*) и поднятая вверх запятая (*ˆ*): *Август* 'тымысэт'изз толызь' (1: 10), *беркут* 'душес, *ö*рзи, быркыт, дук'я дучес' (1: 40 об.), *бороненье* 'ус'ян, усван, усьян' (1: 45 об.); *блажить* 'шудзиаськыны, ваменъаськыны' (2: 44); *гнѣздѣться* 'пускаръаськыны, пускартскыны' (2: 129 об.); *жадничать* 'аштэм'яськыны, васям'яськыны' (2: 138 об.), *женитьба* 'кышноаськон, куз'яськон' (2: 139 об.). Надо заметить, что в первом томе рукописи поднятая вверх запятая

употреблена и в разделительной функции, и для показания велярного согласного, предшествующего гласному.

5. Для обозначения своеобразных удмуртских аффрикат Г.Е. Верещагин применил как один знак – *ч* (для велярной глухой *č*): *баба* 'пересь, нэнэ, чуж нэнэ' (1: 33 об.), *балабан* 'шыр сийсь дучес' (1: 34), *безотдельно* 'люкиськытэк, чочен' (1: 38); *блошница* *Erigeron* 'пыч турын' (2: 48), *вместе* 'чужыса быттыны' (2: 121), *вырвать* 'иччалтыны' (2: 123 об.), *вытирать* 'чушыны' (2: 126) и *ж* (для велярной звонкой): *аккуратный* 'жигытакъ лэсьгысь' (2: 4), так и буквосочетания – *дз* (перед йотированными гласными, *и* и *ј* – для палатальной звонкой *ž*): *мохра* *платья* 'дзюзыр-дзязыр' (1: 17 об.), *баюкать* 'кырдыса умме уськытыны' (1: 35), *благовествование* 'дзеч ивор веран' (1: 41 об.), *боговидец* 'Инмарез адзъысь' (1: 43); *верхомъ* 'бордземень, вордземень' (2: 79), *гусь* 'дзязегъ, тико, диго' (2: 132) и – *дж* (для велярной звонкой *ǰ*): *высоко* 'джужыт' (1: 80), *духота в комнате* 'джокыт' (1: 92 об.), *половина* 'пал, джныны' (1: 142 об.); *вечеромъ* 'джытазе' (2: 80 об.), *высоковерхий* 'джужытъ жыло' (2: 124 об.), *толокно* 'джожон съзьпызь, джожон пызь' (2: 264 об.).

Во втором томе рукописи в одном единственном примере аффриката *ž* обозначена буквосочетанием *дз* с последующим мягким знаком: *большой* 'бадзъы-мез, зөөкез; нодось' (2: 56 об.).

В данной работе мы коснулись только некоторых особенностей графики рукописных русско-вотских словарей Г.Е. Верещагина. В настоящее время в Удмуртском ИИЯЛ УрО РАН ведется работа по изданию лингвистических трудов первого удмуртского ученого. Первая и вторая книги шестого тома, посвященные трудам Г.Е. Верещагина по языкознанию, были изданы в 2002 и 2006 гг. В ближайшее время научный мир увидит третью книгу шестого тома собрания сочинений ученого, в которые войдут материалы его рукописных русско-вотских словарей.

Литература

- Бруштейн, А. (1956), Страницы прошлого. Москва. 358–359.
- Верещагин, Г. Е. (2002), Собрание сочинений в 6 т. Под ред. В. М. Ванюшева. Т. 6. Кн. 1: Труды по языкознанию. Отв. за выпуск Л. Е. Кириллова; авт. предисл. и комментариев Л. Л. Карпова и Л. Е. Кириллова. Памятники культуры. УИИЯЛ УрО РАН, Ижевск.
- Ившин, Л. М. (2004), Об одном из вариантов рукописного вотско-русского словаря Г.Е. Верещагина. Г.Е. Верещагин и этнокультурное развитие народов Урало-Поволжья: Сборник статей. Сост. В. М. Ванюшев, Т. С. Зыкина; отв. ред. В. М. Ванюшев. УИИЯЛ УрО РАН, Ижевск. 167–170.
- Ившин, Л. М. (2006), К читателю. Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: В 6 т. Под ред. В. М. Ванюшева. Т. 6. Кн. 2: Вотско-русский словарь [= Удмуртско-русский словарь]. Отв. за

- выпуск и автор предисл., комментариев Л. М. Ившин. Памятники культуры. УИИЯЛ УрО РАН, Ижевск. 6–11.
- Кельмаков, В. К. (2001), Г. Е. Верецагин и проблемы удмуртского литературного языка (к 225-летию первой удмуртской грамматики). In: Лудькова, В. М. (отв. ред.), Пермистика 8: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Сб. статей. Изд-во Сыктывкарского ун-та, Сыктывкар. 118–125.
- Кельмаков, В. К. (2004а), Дихотомия «диалекты – литературный язык» в трудах Г. Е. Верецагина. Г. Е. In: Ванюшев, В. М. (отв. ред.), Верецагин и этнокультурное развитие народов Урало-Поволжья: Сборник статей. Сост. В. М. Ванюшев, Т. С. Зыкина. УИИЯЛ УрО РАН, Ижевск. 24–32.
- Кельмаков, В. К. (2004б), Г. Е. Верецагин и некоторые проблемы удмуртского языкознания. УИИЯЛ УрО РАН, Ижевск.